

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА



ВРАЧ-
попаданка
для

ОПАЛЬНОГО
ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА

Лилия Тимолаева

Врач-попаданка для опального генерала-дракона

<https://litres.ru/74220883>

Аннотация

Я погибла на вызове и очнулась в чужом теле — в мире драконов, войн и ядовитых тайн. Теперь я — нелюбимая жена опального генерала-дракона, женщины, которую здесь презирают, боятся и, кажется, уже пытались убить.

Меня должны были тихо сломать, вернуть семье или похоронить по дороге. Но вместо этого я спасла умирающего кадета, увидела, что в крепости людей губит не лихорадка, а чей-то расчёт, и слишком быстро стала опасной для тех, кто привык убивать чужими руками.

Мой муж мне не доверяет. Мой род меня предал. Враг прячется в его доме, в лазарете, в чашке с лекарством и в каждом удобном приказе сверху.

Чтобы выжить, мне придётся лечить тех, кого уже списали, разоблачить заговор, который ведёт к самому сердцу империи, и решить главное: можно ли доверить жизнь дракону, который сначала считал меня частью долга... а потом сделал своим выбором.

Содержание

Глава 1. Дежурство, на котором она умерла	4
Глава 2. Жена предателя	22
Глава 3. Лазарет для обречённых	40
Глава 4. Пациент, которого нельзя спасти	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1. Дежурство, на котором она умерла

— Давление падает! Быстрее, катетер!

Голос фельдшера ударил в уши так резко, будто кто-то сорвал с неё кожу вместе с усталостью. Свет мигал — белый, жестокий, больничный. Машину скорой трясло на выбоинах, железо звенело, кислородная маска хрипела на чужом лице.

Она не чувствовала спины.

Только руки.

Руки ещё помнили, что делать.

— Адреналин, — выдохнула она, уже тянулась к ампуле.

— Не смотри на меня, смотри на монитор. Дыши, милый, давай... давай...

Под пальцами была липкая кровь — слишком много, слишком горячая. На носилках лежал мальчишка лет шестнадцати, мотоциклист, сбитый грузовиком. Ещё недавно — живой, дерзкий, злой на мир. Теперь — серый, с закатившимися глазами и слабо дрожащими губами.

Она знала этот взгляд.

Так смотрят те, кто уже почти ушёл.

— Доктор...

— Молчи. Экономь силы.

Она услышала собственный голос и удивилась, каким

хриплым он стал. Словно кто-то выжег из него всё, кроме приказа. Двадцать второй час смены. Третий тяжёлый вызов подряд. Голова гудела, виски ломило, кофе давно выветрился из крови, оставив после себя только дрожь и пустоту.

Снаружи кто-то орал. Сирена рвала воздух.

— Асистолия!

Монитор взвыл длинной, ровной, беспощадной линией.

Не сейчас.

Только не у неё на руках.

Она стиснула зубы.

— Непрямой! Разряд готовь! Быстро!

Мир сузился до грудной клетки под её ладонями. До хруста ребра. До собственного счёта — раз, два, три... до слепого упрямства, которое всегда было сильнее страха. Она давила, вдыхала, командовала, не замечая, как пот стекает по вискам, как ноет спина, как пальцы немеют.

Живи.

Ну же.

Живи, чёрт тебя побери.

Разряд. Тело мальчика выгнулось.

Тишина.

И в эту тишину врезался удар.

Снаружи — визг тормозов, треск металла. Машину скорой повело вбок так резко, что она не удержалась. Всё вокруг сорвалось с креплений, кто-то закричал, свет вспыхнул ослепительно белым.

Потом что-то тяжёлое ударило её в грудь.

Воздух вышибло.

Она ещё успела подумать, что так глупо умирать нельзя. Не после двадцати часов смены, не на фоне сирены, не среди бинтов и крови, когда ты даже не дома, не одна, не в тишине, а в грязном железном ящике, пахнущем антисептиком и чужой болью.

Что-то тёплое потекло по шее.

Кто-то звал её — будто из-под воды.

— Доктор! Доктор, не отключайтесь!

Она хотела ответить.

Не смогла.

Гул нарастал. Свет становился всё дальше. Чужие голоса вытягивались в тонкие нити, рвались, исчезали.

Последнее, что она ощутила, — вкус железа во рту и абсурдную, злую мысль:

Только бы мальчишка выжил.

А потом пришла темнота.

Сначала был холод.

Не тот стерильный, кондиционированный холод приёмного покоя. Другой. Сырой, въедливый, пробирающий под кожу, будто она лежала не под лампами, а в промёрзшей каменной яме.

Потом — тряска.

Рывки.

Колёса.

Её подбрасывало на чём-то жёстком, голова глухо ударялась о деревянную стенку, а от каждого толчка по вискам расходилась тошнотворная боль.

Она открыла глаза — и тут же зажмурилась.

Никакого белого света.

Никакого потолка скорой.

Над ней покачивалась тёмная ткань, натянутая на деревянные дуги. Узкое пространство душило запахом мокрой шерсти, старой кожи, крови и какого-то пряного дыма, от которого першило в горле.

Она дёрнулась, пытаясь подняться, и замерла.

Руки были не её.

Тоньше. Белее. Запястья слишком узкие. На пальцах — тонкие ссадины, под ногтями — тёмная пыль. На безымянном — тяжёлое кольцо из белого металла с чёрным камнем.

Сердце ударило раз, второй — слишком сильно.

Что за...

Память не успела оформить мысль, потому что справа раздался надсадный, захлёбывающийся хрип.

Она резко повернула голову.

Напротив, на полу кареты, полулежал подросток. Совсем юный — может, семнадцать, не больше. На нём был тёмный мундир с серебряной вышивкой на вороте, испачканный кровью так густо, будто его окунули в ведро. Лицо — красивое, почти мальчишеское, сейчас искажённое от боли. Волосы, светлые от природы, на висках слиплись от пота. На шее

под кожей будто что-то тлело — тонкие золотистые прожилки вспыхивали и гасли, как угли под золой.

Он умирал.

Она узнала это мгновенно. Не по крови даже — по дыханию. По серому оттенку губ. По тому, как судорожно дрожали пальцы, уже не удерживая ткань мундира.

— Стой! — рявкнули снаружи так близко, что она вздрогнула. — Госпожа, не смейте к нему прикасаться!

Карета качнулась. Сквозь прорезь в занавеси мелькнуло железо доспеха.

— Сидите смирно и не мешайте! Маг скоро будет!

Маг.

Слово прозвучало так дико, что на мгновение у неё помутилось в глазах сильнее прежнего.

Подросток захрипел. Из уголка рта стекла тёмная кровь.

Она увидела рану — рваную, под рёбрами, слева. Не просто порез. Прокол? Разрыв? Кровь шла толчками. Внутреннее тоже наверняка задето. Ещё немного — и никакой маг его уже не вытащит.

— Госпожа, вы слышали? — Голос снаружи стал жёстче. — Это кадет его светлости. Если с ним что-то случится...

Если.

Она коротко, судорожно вдохнула. В нос ударил ещё один запах — сладковатый, густой, неправильный. Не просто кровь. Что-то ещё. Что-то знакомое, будто лекарство, испорченное временем.

Чужие воспоминания ударили вспышкой.

Темнота спальни.

Женские пальцы, сжимающие край простыни.

Шёпот: «Не пить... не пить это...»

Страх — не её, чужой, липкий и животный.

Она отшатнулась так резко, что затылок снова врезался в стенку.

Не её память.

Не её жизнь.

Но мальчишка всё ещё умирал у неё на глазах. И это — было настоящим.

Она сорвала взгляд с собственных дрожащих рук и зло выдохнула. Паниковать можно потом. Когда рядом не будет пациента.

— Эй, — хрипло сказала она, подползая к нему. — Слышишь меня?

Юноша с трудом сфокусировал на ней мутный, почти янтарный взгляд. Станный. Нечеловечески яркий.

— Госпо... жа... — выдохнул он.

— Отлично. Раз слышишь — значит, ещё не умер. Уже хорошо.

— Не смейте! — гаркнули снаружи. — Отойдите от него, госпожа!

Она даже не повернула головы.

Пальцы уже работали. На автомате. Проверили пульс — нитевидный, сорванный. Кожа холодная. Зрачки реагируют,

но медленно. Она быстро провела ладонью по ране. Кровь шла сильнее при каждом толчке кареты.

Нужно остановить.

Сейчас.

Она огляделась. Никакой аптечки. Ни инструментов. Только складки плотного платья, шерстяной плащ, сундук, какая-то шкатулка, подушки, медный фонарь и узкая бутылка в кожаном держателе.

Подол платья мешал, путался в ногах. Слишком длинный, чужой, тяжёлый.

— Госпожа! — в голосе снаружи появилась уже не злость, а тревога. — Приказ генерала — вас не трогать, но не вынуждают...

Приказ генерала.

Значит, генерал есть. И он приказал её не трогать.

Замечательно. Значит, положение у неё здесь ровно такое же мерзкое, как подсказывала чужая память.

— Если вы хотите, чтобы ваш кадет умер до приезда этого вашего мага, продолжайте орать, — бросила она, не поднимая головы. — Если хотите, чтобы жил, заткнитесь и откройте занавеску. Мне нужен свет.

Снаружи воцарилось ошеломлённое молчание.

Потом ткань резко дёрнули. В карету ворвался серый зимний день и ледяной воздух. Она даже не обернулась на вытянувшиеся лица стражников — всего лишь отметила краем глаза чёрные плащи, серебряные застёжки, оружие и недове-

рие в каждом движении.

— Вы... — выдохнул один.

— Свет, я сказала!

Она уже рвала подол платья. Ткань треснула с таким звуком, будто вместе с ней рвалось что-то ещё — приличия, страх, прежняя беспомощность той женщины, в чьём теле она очнулась.

Подросток дёрнулся от боли.

— Смотри на меня, — приказала она, складывая ткань в плотный жгут. — Не отключайся. Как тебя зовут?

— Эйр... — хрипнул он.

— Хорошо, Эйр. Сейчас будет больно.

Она прижала ткань к ране так сильно, как только смогла.

Он захлебнулся криком.

— Держись.

На его груди, прямо над сердцем, под мундиром что-то сверкнуло золотом. В следующую секунду кожу под воротом пересекла тонкая трещина света — и она поняла, что это не отражение.

Это был жар.

Будто внутри него тлел огонь.

Дракон.

Слово всплыло само собой — не из её памяти, из чужой. За ним — обрывок знания: кадеты драконьих домов, огненная кровь, срывы на грани смерти.

Она не успела удивиться.

Потому что ладони внезапно обожгло.

Не метафорически. По-настоящему.

Кожа под её пальцами раскалилась так, что она едва не отдернула руки. Эйр выгнулся дугой, зашипел сквозь зубы. От его раны поднялся пар.

Стражники у кареты разом подались назад.

— Пламя сорвалось! — кто-то выругался. — Без мага он сейчас вспыхнет!

Она видела иначе: шок, кровопотеря, судорога, какая-то странная физиология, которой у людей быть не должно. Но пока он дышал, он оставался пациентом.

— Воду! — рявкнула она.

Никто не пошевелился.

— Воду, идиоты! Живо!

Кто-то всё же сунул ей кожаную флягу.

Она вылила часть на кусок ткани, приложила выше края раны, второй рукой удерживая давление. Эйр дрожал так, что зубы стучали. На виске у него проступили золотистые чешуйки — мелькнули и исчезли.

Она уставилась.

Потом выругалась про себя и продолжила работать.

— Госпожа... — прохрипел юноша. — Не надо... вы...

— Молчи.

Её собственное дыхание срывалось. В ушах шумело. Чужое тело было слабее привычного; плечи быстро наливались тяжестью, в пояснице ломило. А ещё под грудиной растека-

лась тупая тошнота, будто эта женщина перед смертью тоже была больна.

Или отравлена.

Мысль пришла внезапно, как ледяное лезвие.

Сладковатый запах.

Страх перед питьём.

Сухость языка.

Дрожь пальцев.

Она замерла на долю секунды — и тут же заставила себя отодвинуть всё лишнее. Не сейчас.

Эйр снова захрипел. Пульс под её пальцами уходил.

Нужен доступ к ране. Нужна остановка кровотечения. Нужен хоть какой-то инструмент.

Она резко обернулась.

— Нож.

Стражники переглянулись.

— Что? — выдавил тот, что стоял ближе.

— Нож. Короткий. Чистый, если у вас есть чудо и он вообще здесь чистый.

— Вы не можете...

— Он умирает.

Это прозвучало тихо. Не криком. Не истерикой. Просто голой правдой.

Наверное, поэтому сработало.

Один из стражников, молодой, с стиснутой челюстью, выдернул кинжал из ножен и протянул рукоятку вперёд.

Она взяла. Тяжёлый. Настоящий. Совсем не медицинский инструмент.

Ладно.

Придётся так.

— Держите карету, чтобы не трясло! — бросила она. — И если кто-то из вас сейчас вздумает вырвать у меня нож, я лично добью того, кого не успеет добить кровопотеря.

Молчание стало почти осязаемым.

Она быстро срезала часть пропитанной кровью ткани мундира, освободила рану. На мгновение перед глазами всё плыло — чужая слабость, запах крови, холодный воздух и понимание полной невозможности происходящего.

Скорая. Столкновение. Темнота.

Карета.

Драконий кадет.

Чужое тело.

Нелюбимая жена генерала.

И нож в руках.

— Дыши, — сказала она скорее себе, чем Эйру.

Кинжал прошёл по ткани, по ремню, освобождая доступ. Она прижала край раны, ища источник основного кровотечения. Подросток завыл, дёрнулся, но сил оттолкнуть её у него не осталось.

— Держите его! — бросила она наружу.

Две руки тут же вцепились юноше в плечи.

— С ума сошла... — прошептал кто-то. — Госпожа сошла

с ума...

Может быть.

Но безумие ещё никого не убивало так быстро, как промедление.

Она нашла — слева, глубже, чем хотелось бы. Не артерия полностью, иначе он уже был бы трупом. Но крупный сосуд задет. Она зажала сильнее, пока перед глазами не пошли чёрные точки.

— Иглу. Нитки. Хоть что-нибудь!

— В походном сундуке... — выдохнул один из стражников. — Для починки сбруи...

— Давайте!

Ей сунули грубую иглу и катушку толстой вощёной нити. Прекрасно. Просто великолепно.

Она едва не рассмеялась от абсурда. Потом быстро обдала иглу остатками воды из фляги и поднесла к пламени фонаря. Хоть так.

Руки дрожали.

Не от страха уже — от усталости и от того, что тело было чужое. Слабое. Непривычное. Но привычка работать на пределе оказалась сильнее.

— Эйр, не отключайся. Если отключишься, я тебе этого не прощу.

Он хрипло, почти беззвучно усмехнулся.

Хорошо. Значит, ещё здесь.

Она шила быстро. Грубо. Не так, как положено в нормаль-

ной операционной, а так, как шьют жизнь к телу, когда ничего лучше нет. Подросток дёргался, один раз почти потерял сознание, стражники бледнели на глазах, кто-то молился.

А она видела только рану.

Только кровь.

Только то место, где смерть ещё можно было оттолкнуть.

Когда нить легла последним стежком, у неё в висках уже стучало так, будто череп вот-вот лопнет. Она прижала сверху сложенную ткань, обвязала импровизированным бинтом и только тогда позволила себе проверить пульс ещё раз.

Слабый.

Но был.

Жив.

В карете стало так тихо, что слышно было, как скрипит колесо.

— Он... — молодой стражник наклонился ближе, не веря.

— Он дышит.

— Пока да.

Она откинулась на стенку и впервые поняла, как сильно её трясёт. Пальцы были в крови по запястья. Чужие рукава — тоже. Голова кружилась. В горле стоял привкус меди.

Эйр приоткрыл глаза.

Янтарь в них уже не был таким мутным.

— Вы... не должны были... — прошептал он. — Госпожа... зачем?..

Она хотела ответить привычным: «Потому что я врач».

Но осеклась.

Кто она теперь?

Слово застряло под языком.

Стражник, тот самый молодой, смотрел на неё так, будто впервые видел перед собой человека, а не странный предмет мебели, навязанный чужой волей.

— Госпожа... — проговорил он очень осторожно. — Вы... умеете лечить?

Вопрос прозвучал почти страшнее всего остального.

Потому что в нём уже была правда: та женщина не умела.

Она медленно перевела взгляд на собственные руки. Тонкие, белые, в крови. На кольцо. На разорванный подол дорожного платья. На следы тонких старых синяков на внутренней стороне запястья, которых раньше не заметила.

Синяки.

Чужое тело носило память о хватке.

Холод скользнул по позвоночнику.

— Откуда у вас эти знания, леди? — спросил второй стражник уже не с грубой враждебностью, а почти шёпотом.

Леди.

Значит, знатная.

Жена генерала.

И никто не ожидал увидеть её такой.

Она подняла голову.

Снаружи кареты тянулась зимняя дорога, серое небо нависало низко, как крышка гроба. Вдалеке чернели зубчатые

стены крепости. Над ними на ветру рвались тёмные штандарты с серебряным знаком — то ли коготь, то ли крыло.

Чужая память шевельнулась снова.

Холодные коридоры.

Тяжёлые двери.

Шёпот служанок за спиной.

«Предательская кровь».

«Его навязанная жена».

«Опальный генерал не простил бы её роду».

Она сжала окровавленные пальцы.

Значит, всё ещё хуже, чем казалось.

Карета внезапно остановилась.

Лошади заржали. Снаружи раздалась команда — резкая, короткая. Стражники тут же вытянулись, будто через них пропустили ток.

— Его светлость, — выдохнул кто-то.

По спине у неё прошёл холод.

Не её.

Той женщины.

Страх был мгновенным, глубоким, почти животным.

Он въелся в мышцы раньше неё и теперь заставил сердце сорваться на неровный бег.

Снаружи слышались шаги.

Тяжёлые. Размеренные. Ни суеты, ни спешки — только привычка, чтобы перед ними расступались.

Каретная занавесь дрогнула.

Сначала она увидела руку в чёрной перчатке, откинувшую ткань.

Потом — лицо.

Он был не просто красив. В нём не было той мягкой, удобной красоты, которой хочется любоваться издалека. Его лицо будто вырезали из тёмного камня и стали: резкие скулы, прямой нос, жёсткая линия рта, короткая тень шрама у виска. Волосы — тёмные, почти чёрные, с выбившейся на лоб прядью, прихваченные сзади. Глаза — холодные, светлые, слишком светлые для человека. Как зимнее небо перед бурей.

На нём был военный плащ с серебряной застёжкой в виде драконьего крыла. Под воротом темнела форма. От него пахло снегом, железом, дымом и чем-то ещё — сухим жаром, спрятанным под кожей.

Он окинул взглядом карету.

Кровь на полу.

Измученного, но живого Эйра.

Стражников с побелевшими лицами.

И её.

На разорванном сиденье. С чужой кровью на руках. С распоротым подолом. С поднятым подбородком и слишком прямым взглядом для женщины, которую, видимо, привыкли видеть тихой и бесполезной.

На одно короткое мгновение в его лице ничего не изменилось.

Потом, почти незаметно, сузились глаза.

— Что здесь произошло? — спросил он.

Низкий голос пробрал до костей.

Никто не ответил сразу.

Потому что ответ был невозможен.

Его жена, которую все считали тихой тенью, только что вырвала из смерти драконьего кадета голыми руками.

Юноша на полу шевельнулся и, с трудом разлепив губы, выдохнул:

— Мой... господин... она... спасла меня...

Тишина стала ледяной.

Генерал перевёл взгляд на неё.

Медленно. Внимательно. Слишком внимательно.

И в этот миг её пронзило ещё одно чужое воспоминание — последнее, обжигающее:

чашка с тёмным настоем;

дрожащие пальцы;

шёпот за дверью: «Сегодня она не переживёт дороги».

Она не сдержала резкий вдох.

Генерал заметил.

Он замечал, кажется, всё.

— Подойди, — произнёс он тихо.

Не просьба.

Приказ.

Но она не двинулась сразу. Потому что в ту самую секунду поняла две вещи.

Первая: прежнюю хозяйку этого тела, возможно, убили.

Вторая: мужчина у двери уже понял — перед ним не та женщина, которую он отправил в эту карету.

Его взгляд стал опаснее стали.

— Кто ты такая? — спросил опальный генерал-дракон.

И от этого вопроса стало ясно: прежняя жизнь кончилась не там, в смятой скорой под вой сирены.

Она кончилась здесь. Сейчас. Под его взглядом. В карете, полной крови, тайн и чужой смерти, в теле женщины, которая не должна была очнуться.

Глава 2. Жена предателя

Вопрос повис между ними, как занесённый клинок.

Она не сразу поняла, что перестала дышать. В карете всё ещё пахло кровью, мокрой шерстью, горячим металлом фонаря и тем сладковатым, тревожным запахом, который уже дважды отзывался в ней чужим страхом. На полу тяжело, рвано дышал Эйр. За спиной генерала шевелился зимний серый день. И его взгляд — холодный, безжалостно внимательный — не позволял ни солгать с лёта, ни спрятаться в молчание.

Чужое тело помнило, как нужно бояться этого человека.

Её собственная память помнила, как умирают те, кому не успевают помочь.

Выбор оказался до смешного простым.

Она медленно втянула воздух, чувствуя на губах привкус крови, и сказала хрипло, но ровно:

— Та, что только что не дала умереть вашему кадету.

Ни один мускул на его лице не дрогнул. Только где-то за плечом один из стражников сдавленно втянул воздух.

Она продолжила, прежде чем мужество успело кончиться:

— Если вы хотите продолжить допрос, сначала прикажите вынести его из холода. Иначе всё, что я сделала, через полчаса пойдёт прахом.

Несколько ударов сердца никто не шевелился.

Потом генерал перевёл взгляд на Эйра. На импровизированную повязку. На кровь, которой было слишком много для случайности и слишком мало для смерти — только потому, что она не дала ей случиться.

— Носилки, — бросил он через плечо.

Голос был негромким, но снаружи сразу пришло движение. Люди зашевелились так быстро, словно приказ ударил их физически.

Он снова посмотрел на неё.

— Моя жена, — произнёс генерал, и от этих двух слов в ней что-то невольно сжалось, — не говорит со мной таким тоном. Не спорит при свидетелях. И не зашивает солдат походной нитью.

От холода, усталости и перенапряжения у неё дрожали пальцы. Но она всё равно стиснула их так, чтобы он не увидел слабость.

— Значит, вам придётся привыкать к переменам.

Это было безрассудно.

Она поняла это по тишине, которая сразу стала плотнее, опаснее. По тому, как застыл за его спиной молодой стражник. По тому, как в светлых глазах генерала мелькнуло нечто острое, почти хищное.

Но вместо вспышки ярости он лишь чуть склонил голову, словно примерял на вес её слова.

— Привыкать? — переспросил он тихо. — Я ещё не решил, кем именно ты стала. Безумной. Лгуньей. Или хорошо

обученной шпионкой.

Она не успела ответить.

К карете подбежали двое с носилками, следом — мужчина в длинной тёмно-серой мантии, расшитой выгоревшими серебряными знаками. От него пахло травяным дымом, усталостью и тем самым раздражающим самодовольством, которое она слишком хорошо знала по лицам некоторых хирургов, считавших себя полубогами просто потому, что носят правильную форму.

Маг только сунулся внутрь, увидел Эйра, повязку, грубые стежки — и застыл.

— Кто это сделал?

Никто не ответил.

И без того было ясно.

Он медленно поднял на неё взгляд. Сначала недоверчивый. Потом — откровенно потрясённый.

— Госпожа?..

— Позже, — отрезал генерал.

Маг тут же опустился рядом с Эйром, провёл ладонью над раной, и между его пальцами дрогнул тусклый янтарный свет. Юноша судорожно вздохнул.

— Он потерял слишком много крови, — быстро сказал маг. — Но... да. Пока жив.

Пока.

Это «пока» она слышала особенно ясно.

— Не снимать повязку сразу, — сказала она, не удержав-

шись. — Если полезете внутрь без подготовки, он снова откроется. Ему нужно тепло. И следите за дыханием.

Маг обернулся так резко, будто заговорила не женщина в разодранном платье, а ожившая мебель.

— Я знаю, как вести раненных, миледи.

— Тогда ведите его так, чтобы он дожил до вечера, — огрызнулась она.

Генерал ничего не сказал. Но его взгляд снова царапнул её так, будто он отмечал и складывал в памяти каждое слово.

Эйра осторожно переложили на носилки. Подросток застонал, дёрнулся, с усилием разлепил ресницы и на одно короткое мгновение нашёл её глазами.

— Госпо... жа...

Она склонилась чуть ближе.

— Молчи. Береги силы.

— Не дайте... — с трудом выдавил он, будто каждое слово царапало горло изнутри. — Не дайте... им...

Он не договорил. Маг что-то резко шепнул, янтарный свет у его ладони вспыхнул сильнее, и Эйр снова провалился в полуобморок.

Её насторожило не это. А то, как на словах мальчишки дрогнул молодой стражник. Совсем немного. Но заметно для того, кто привык видеть чужую тревогу по лицам у каталок.

Носилки вынесли.

В карете сразу стало просторнее и холоднее. И гораздо опаснее.

Потому что теперь здесь оставались только они двое.

Генерал смотрел так, будто уже разобрал её на части и теперь решал, какая из них лжёт.

— Выходи, — сказал он.

Она попыталась подняться и только теперь поняла, до какой степени выжато это чужое тело. Боль в затылке, тупая тяжесть под рёбрами, ломота в пояснице, слабость в коленях — всё навалилось разом, как только исчезла необходимость держаться только на инстинкте врача.

На миг перед глазами потемнело.

Он шагнул вперёд. Не чтобы поддержать — она бы скорее откусила себе язык, чем приняла это от него сейчас. Просто встал ближе. Так, что стало трудно не чувствовать исходящее от него тепло. Не тепло даже — скрытый жар, будто под кожей тлел не огонь, а привычка удерживать пламя в кулаке.

Она выбралась наружу сама.

Холод ударил в лицо. Снег под сапожками хрустнул сухо и зло. Перед ней распахнулся внутренний двор крепости — и на мгновение она забыла даже о генерале.

Всё здесь было не так, как в тех дворцовых фантазиях, которыми её кормили фильмы и книги.

Никакого величия.

Только камень, ветер и война.

Под высокими чёрными стенами сновали солдаты. Прямо у ворот стояли повозки с грязными колёсами, рядом — бочки, ящики, связки дров, сложенные наспех. На соломе, пря-

мо на земле, лежали раненные. Один держался за перевязанный живот и дышал сквозь стиснутые зубы, второй тихо сто-
нал, третий дрожал так, что зубы стучали слышно даже от-
сюда. Чуть в стороне двое мужчин в серых одеждах склони-
лись над солдатом, вокруг их рук клубился тусклый, словно
больной, свет.

И в воздухе висел запах.

Кровь.

Холодный пот.

Дым.

Травы.

И тот самый сладковатый, чуть гнилостный оттенок, ко-
торый раньше показался ей смутно знакомым.

Она резко втянула воздух.

Запах был сильнее, чем в карете.

Генерал заметил.

— Что?

Она заставила себя отвести взгляд от раненых и повер-
нуться к нему.

— Сколько у вас больных?

Он не ответил сразу.

Его лицо стало ещё жёстче, если это вообще было возмож-
но.

— Тебя это не касается.

— Ошибаетесь, — тихо сказала она. — Если этим пахнет
весь двор, это касается всех.

Светлые глаза сузились.

Он шагнул к ней ближе, и теперь слова пришлось бы принимать почти кожей.

— С этого мгновения, — произнёс генерал ровно, — тебя касается только то, что я разрешу.

Ветер рванул полы его плаща, ударил ей в лицо холодом и запахом дыма. Где-то наверху глухо скрипнула цепь подъёмной решётки. Она смотрела на него снизу вверх — не потому что хотела, а потому что он был выше и слишком близко, — и ощущала в этом человеке такую сдержанную силу, что любое неверное слово могло стать катастрофой.

Но отступить было уже поздно.

— Тогда объясните, — сказала она. — Кто я здесь такая?

Он молчал несколько ударов сердца.

И когда ответил, голос его стал ледянее ветра.

— Жена предателя.

Слова ударили не по слуху. Прямо в солнечное сплетение.

Чужая память отозвалась мгновенно — не образами даже, а вспышками ощущений: треск сургуча на письме, которого боятся касаться; мужские голоса за дверью; чьё-то шипящее «их дом продал проход»; липкий стыд, с которым на тебя смотрят слуги; кольцо на пальце — как печать приговора.

Она невольно опустила глаза на собственную руку.

Белый металл. Чёрный камень.

Брак как цепь.

— Твой род, — продолжил генерал, — открыл врагу се-

верную тропу. Из-за них я потерял треть гарнизона у перевалов. Из-за них пал форт у Ледяной гряды. Из-за них меня отозвали из столицы и лишили командования. А тебя прислали сюда — как доказательство верности, как залог, как напоминание.

Он не повысил голос ни на полтона. Но с каждым словом становилось всё яснее: ненависть, которую он держит на коротком поводке, никуда не делась. Она просто научилась ходить в строю.

— Я этого не делала, — сказала она. И тут же поняла, насколько беспомощно это звучит.

— Но носишь их кровь.

Он развернулся, будто разговор был окончен.

— Ты останешься в северной крепости. Под надзором. Без моего разрешения не покинешь внутренний двор. Все письма будут проходить через меня. Все слуги при тебе будут моими людьми. О любом твоём шаге мне будут докладывать.

Плен.

Оформленный как супружеская милость.

Она чувствовала, как поднимается злость. Медленная. Холодная. Та, что не толкает на крик, а заставляет говорить тише.

— А если я не соглашусь?

Он обернулся через плечо.

И на его лице впервые мелькнуло что-то похожее на мрачную усмешку.

— Ты всё ещё думаешь, что у тебя есть выбор?

Это было сказано спокойно. Без бравады. Как констатация.

И, хуже всего, он был прав.

По двору пронесли ещё одни носилки. Лежавший на них солдат захлёбывался тяжёлым кашлем, а тот, кто шёл рядом, повторял сквозь зубы:
 — Дыши, дурень, дыши... ещё немного...

Она посмотрела вслед — слишком профессионально, слишком инстинктивно, чтобы сделать вид, будто не видит. И сразу отметила сухую сероватую кожу, странную ломкую дрожь, тёмные тени под глазами. Не просто ранение. Не просто истощение.

— Что с ними? — спросила она.

Генерал не повернулся.

— Лихорадка.

Слово прозвучало слишком коротко. Слишком привычно. Будто им называли всё, чего не понимали или не хотели называть иначе.

— Какая?

— Северная.

Она чуть не фыркнула.

— Очень точный диагноз.

Теперь он всё-таки обернулся. Взгляд стал опасно спокойным.

— Ты забываешься.

— А вы — теряете людей.

На миг ей показалось, что сейчас он прикажет заткнуть её. Может быть, даже лично. Вместо этого он долго смотрел, словно примеряя, как именно обходиться с женщиной, которая вчера, вероятно, молчала бы, опустив глаза, а сегодня спорит посреди двора, пахнущего кровью и болезнью.

— Если тебе дорога жизнь, — произнёс генерал, — научись отличать упрямство от пользы.

— А если вам дороги ваши люди, — тихо ответила она, — научитесь тому же.

Он застыл.

Снег, казалось, перестал падать.

Где-то рядом один из солдат сорвался в кашель. Кто-то окликнул лекаря. Лошадь нервно ударила копытом. Мир двигался вокруг них, но между ними повисла такая плотная тишина, что она давила на рёбра.

Потом он вдруг сказал:

— Идём.

Не дожидаясь, пошёл через двор.

Она колебалась недолго. Всё равно выбора не было. Подобрав юбки, чтобы не путались в ногах, она двинулась следом, чувствуя на себе взгляды. Их было много. Любопытных, настороженных, недоброжелательных. Здесь её знали. Или думали, что знают. Тихая навязанная жена. Чужая кровь. Жена предателя.

Только вот та женщина, чьё место она заняла, похоже,

действительно была тихой. А молчать, когда рядом умирали, она не умела и в прежней жизни.

Лазарет располагался в длинном каменном корпусе у внутренней стены. Едва они вошли, её окатило смесью запахов — горячий воск, кровь, пот, мокрая шерсть, дым от горелых трав и всё тот же сладковатый оттенок, теперь почти нестерпимый.

Она остановилась на пороге.

Помещение было большим, но тесным от людей и беды. Кровати стояли в два ряда, а между ними на полу лежали ещё матрасы. На одних — раненые с перевязанными головами, руками, боками. На других — те, кого явно свалило не железо, а что-то другое. Одни дрожали под одеялами, другие, наоборот, лежали раскрытые, мокрые от пота. У некоторых лица уже приобрели ту сероватую сухость, которую она увидела во дворе.

Над несколькими койками работали маги. Свет их рук казался то слишком слабым, то вдруг вспыхивал резко и гас, словно заклинаниям не за что было зацепиться.

— Боги... — выдохнула она едва слышно.

Не от суеверия.

От масштаба.

Это был не один больной. Не два. Не случайность.

Это была система.

Генерал остановился чуть в стороне, давая ей осмотреться, и в этом молчании было больше проверки, чем в любом

прямом приказе.

— Теперь это касается тебя? — спросил он.

Она не ответила сразу.

Шла вдоль коек медленно, привычно цепляясь взглядом за детали. У одного — воспалённые веки и трещины на губах. У второго — слишком частое дыхание и пальцы, судорожно сминающие простыню. У третьего — синюшность ногтей и странные сероватые пятна у основания шеи. Не одинаково. Но слишком похоже, чтобы быть совпадением.

— Сколько их? — спросила она наконец.

— За последние шесть дней — двадцать семь, — ответил не генерал, а пожилой маг в выцветшей серой мантии. Он подошёл с другой стороны, опираясь на резную трость, и смерил её усталым, не слишком добрым взглядом. — Семеро умерли.

— Семеро, — повторила она тихо. — А вы всё ещё называете это лихорадкой?

— Так её называют на севере, — сухо сказал старик. — И не вам спорить с тем, чего вы не понимаете, миледи.

— Зато я вижу, чего не понимаете вы.

Он побледнел от наглости. Генерал — не вмешался. Только наблюдал.

Старый маг выпрямился.

— Болезнь приходит после холода, истощения и ранений. Сначала жар, потом дрожь, потом жажда. Затем слабость сердца. Мы вливаем силу, даём укрепляющие отвары, сби-

ваем огонь, но...

— Но они всё равно умирают, — закончила она.

Старик сжал губы.

На ближайшей койке молодой солдат вдруг застонал и повернул голову. Она подошла ближе.

Парень был совсем ещё юным. Рыжеватые волосы прилипли ко лбу, ресницы дрожали. Губы — сухие, потрескавшиеся, но не алые от жара, а блеклые. На шее и под ключицей — сероватые разводы под кожей, точно тонкие тени сосудов. На тумбе рядом стояла чашка с тёмным настоем.

Её будто ударило током.

Чашка.

Запах.

Не пить.

Сегодня она не переживёт дороги.

Она взяла себя в руки почти сразу, но генерал всё равно заметил. Подошёл ближе.

— Что?

Она кивнула на настой.

— Это дают всем?

Старый маг ответил резко:

— Укрепляющий отвар. На коре тёмного тиса, огнекорне и соке морозной полыни. Он удерживает силу в теле и не даёт жару сжечь сердце.

Не даёт.

Она наклонилась над чашкой. Запах был слабее, чем в

воспоминании, разбавлен другими травами. Но там, на дне, всё равно шевельнулась знакомая приторная нота.

Слишком знакомая.

— Можно? — спросила она.

Старик хмыкнул.

— Вы, как я понимаю, уже всё равно возьмёте.

Она поднесла чашку ближе к лицу. Пахло горечью, дымом, травами... и тем самым сладковатым оттенком, который не вязался ни с жаропонижающим, ни с укрепляющим.

У неё по коже пробежали мурашки.

— Кто его готовит?

— Лекарская кухня, — ответил маг. — Под моим надзором.

— Все партии одинаковые?

Он раздражённо вздохнул.

— Миледи, мы сейчас в лазарете, а не на допросе.

— Может, поэтому у вас трупы идут один за другим.

Старик вскинулся. Но в этот миг парень на койке рядом резко закашлялся. Не так, как кашляют при простуде. Глубже. Хуже. Словно внутри грудной клетки что-то рвалось.

Она бросилась к нему раньше всех.

— Эй, слышишь меня? — Ладонь уже лежала у него на груди. Сердце колотилось быстро, беспорядочно. — Дыши. Спокойнее. Не рвись так.

Солдат распахнул глаза.

Взгляд был мутный, но в нём вдруг вспыхнул животный

ужас.

— Воды... — выдохнул он.

Старик сразу потянулся к чашке.

— Не надо! — резко бросила она.

Все замерли.

Парень снова выгнулся в кашле. На губах проступила тёмная, почти чёрная пена.

У неё внутри всё оборвалось.

— Держите его! — крикнула она.

Двое ближайших лекарей рванулись к койке. Один схватил солдата за плечи. Второй — за руки. Тело билось мелкой, судорожной дрожью.

Она повернула голову.

— Что вы ему давали кроме настоя?

— Ничего! — выкрикнул молодой помощник, бледнея. — Только отвар, жароснижающее плетение и капли силы!

— Как давно это началось?

— Ночью... после второго питья...

После второго питья.

Генерал подошёл вплотную. От него веяло не только жаром, но и напряжением — таким плотным, что воздух рядом казался тяжелее.

— Спасай, — сказал он.

Будто она распоряжалась жизнью и смертью по желанию.

Будто он уже успел решить, что если она вытащила Эйра, то сможет вытащить и этого.

Она стиснула зубы.

— Мне нужен чистый нож, горячая вода и чтобы все перестали лезть одновременно.

Никто не двинулся.

Потому что они не понимали, что делать. Потому что магия здесь была привычнее её слов. Потому что она для них всё ещё оставалась чужой женщиной с кольцом на пальце, а не тем, кто имеет право приказывать в лазарете.

Генерал не повысил голос.

— Делайте, что она сказала.

В этот раз подчинились мгновенно.

Но было уже поздно.

Она почувствовала это, едва снова коснулась шеи солдата. Пульс сорвался. Провалился. На миг вернулся — и исчез окончательно.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, давай... ну же...

Она вдавила ладонь в грудину, пытаясь запустить сердце, хотя и сама понимала бессмысленность. Это тело уже уходило. Слишком быстро. Слишком странно. Не как от обычного жара. Не как от раны. Не как от истощения.

Солдат в последний раз втянул воздух — тонко, с присвистом — и затих.

В лазарете стало так тихо, что где-то в дальнем углу отчётливо закапала вода в таз.

Её рука всё ещё лежала на его груди.

Под пальцами была неподвижность.

Окончательная.

Та самая, которую невозможно спутать ни с чем.

Она медленно выпрямилась.

На губах мёртвого осталась чёрная пена.

На тумбе — тёмный настой.

В воздухе — сладковатый запах.

И теперь она уже не сомневалась.

Генерал стоял так близко, что она чувствовала на щеке его тепло. Не касание. Но почти.

— Ну? — спросил он тихо.

Она смотрела на труп, а перед глазами вспыхивала другая чашка. Другая комната. Другой страх. Не пить. Не пить это.

Её горло сжалось.

— Это не обычная лихорадка, — сказала она.

Никто не пошевелился.

Старый маг побледнел так резко, словно она обвинила в убийстве лично его.

— Миледи, вы переходите...

Она резко повернулась к нему.

— Лихорадка не оставляет чёрную пену у рта после «укрепляющего» отвара. Лихорадка не даёт этот запах. И лихорадка не убивает так быстро после питья.

Тишина стала тяжёлой, угрожающей.

Генерал смотрел только на неё.

И в его светлых глазах уже не было одного лишь подозрения.

Там впервые появилось нечто хуже.

Внимание.

Настоящее, опасное внимание хищника, который почуял след.

— Продолжай, — приказал он.

Она перевела взгляд с чашки на мёртвого солдата, потом снова на тёмный осадок на дне настоя.

И поняла ещё одну вещь.

Если она права, то кто-то убивает не только её.

Кто-то убивает его людей прямо у него под носом.

Она медленно подняла голову.

— Мне нужно увидеть, чем их поят, — сказала она. —
Всех. И немедленно.

И в этот самый миг из дальнего конца лазарета раздался крик:

— Господин генерал! Ещё один! Он начал пениться!

Глава 3. Лазарет для обречённых

Крик разрезал лазарет, как ножом.

Она даже не успела обернуться полностью — тело среагировало раньше мысли. Сердце ударило резко, в горле встал холод, пальцы сами выпустили чашку с тёмным осадком, и та глухо стукнулась о столешницу. Где-то рядом выругался старший лекарь. Генерал шагнул первым — быстро, без суеты, но так, что люди расступались ещё до того, как понимали, что именно делают.

Она рванулась следом.

Сквозь тесные ряды коек, через запах горячего воска, крови, мокрой ткани и той самой сладковатой гнили, которая теперь казалась почти осязаемой. Рядом кто-то задел её плечом, чьи-то руки тянулись за тазом, кто-то шептал молитву. Но она уже видела главное: в дальнем конце, у стены, над узкой койкой склонились двое помощников, а на простыне бился мужчина — крупный, ещё сильный телом, но уже уходящий.

На губах у него проступала тёмная пена.

— Отойдите! — бросила она так резко, что оба помощника вздрогнули и действительно отпрянули.

Солдат выгнулся, закашлялся, воздух рванулся у него из груди влажным, страшным звуком. Глаза были открыты, но

почти ничего не видели. Она схватила его за плечи, наклонилась ближе, вдохнув прямо в лицо горечь отвара, кислый запах пота и тошнотворную сладость, от которой по коже побежали мурашки.

— Слышишь меня? — резко сказала она. — Смотри на меня. Не захлёбывайся. На бок его!

— Но у него жаровое плетение! — заорал кто-то за спиной.

— Я сказала — на бок!

На этот раз голос генерала не понадобился. Может быть, потому что его присутствие ощущалось за спиной раскалённой стеной. Может быть, потому что в её тоне было слишком много знакомого всем страха, когда времени остаётся меньше, чем на одну ошибку. Двое солдат тут же навалились, помогая перевернуть больного. Тёмная пена брызнула на ткань, мужчина захрипел и задышал чуть свободнее — ненадолго, но достаточно, чтобы она успела увидеть.

Серые ногти.

Сухая, холодноватая кожа.

Слишком частый, срывающийся пульс.

И запах. Всё тот же.

— Когда он пил настой? — резко спросила она.

— Четверть часа назад, — выдавил молодой помощник, бледный, как полотно. — Господин лекарь велел дать двойную дозу. У него был сильный озноб и...

— Двойную? — повторила она.

За спиной воцарилась короткая, опасная тишина.

— Леди, — процедил старший лекарь, проталкиваясь ближе, — вы мешаете лечению.

Она даже не повернула головы.

— Если это ваше лечение, то трупы у вас получаются очень уверенно.

Он задохнулся от возмущения. Она слышала это, но не отвлекалась. Солдат снова закашлялся, и из уголка его рта потянулась чёрная нитка. Не кровь. Не желчь. Что-то гуще и страшнее.

— Тёплую воду, чистую ткань и уголь из жаровни, — бросила она.

— Уголь? — сдавленно переспросил помощник.

— Сейчас!

Генерал не повысил голос. Ему и не требовалось.

— Делать.

Лазарет пришёл в движение.

Она слышала, как кто-то бросился к жаровне, как звякнул ковш, как старший лекарь начал что-то резко говорить — про безумие, про опасность, про то, что женщина не может распоряжаться в военном лазарете. Но эти слова утонули в шуме крови в её ушах.

Она заставила больного открыть рот, насколько это было возможно, и от едкого запаха свело челюсть.

— Чем именно вы поите их? — спросила она жёстко, не поднимая головы.

— Укрепляющим отваром, — процедил старший лекарь.

— Я уже сказал.

— Нет. Вы назвали красивое имя. Я спрашиваю, чем именно.

— Довольно! — рявкнул он. — Милорд, это переходит все границы. Эта женщина ничего не понимает в магических горячках и вмешивается туда, где...

— Замолчите, — сказал генерал.

Негромко.

Но после этого слова в помещении будто стало ещё холоднее.

Она подняла глаза только на мгновение.

Он стоял чуть в стороне от койки, высокий, неподвижный, в тёмном плаще, и смотрел не на лекаря — на неё. С таким выражением, будто каждое её движение что-то решало. Не для неё уже. Для него. Для крепости. Для тех людей, что лежали вокруг, захлёбываясь тем, что все упорно называли лихорадкой.

Принесли ковш воды и миску с раскрошенным древесным углём. Она быстро размешала чёрную взвесь, не давая себе времени подумать, насколько дико это выглядит со стороны. В прежнем мире у неё были бы препараты, анализы, катетеры, кислород, нормальные руки помощников. Здесь — жаровня, грязная миска и мужчина, которого уже отравили.

Но поздно — не всегда значит бесполезно.

— Держите голову, — приказала она.

Солдат застонал, когда она заставила его сделать несколько глотков. Большая часть вылилась обратно по подбородку. Ещё часть он проглотил. Она сразу надавила на корень языка, и мужчину вывернуло с такой силой, что помощник рядом отшатнулся с бледным лицом.

В рвоте была та же тёмная, почти смоляная примесь.

Она замерла на долю секунды.

Этого хватило, чтобы всё сложилось ещё яснее.

Не болезнь. Не обычная. Не природная.

Рядом стоял генерал и видел её лицо.

— Что? — спросил он.

Она медленно выпрямилась.

Солдата всё ещё трясло, но дыхание стало чуть глубже. Пульс под пальцами был скверным, но больше не проваливался так резко.

— Он ещё жив, — сказала она. — Пока.

— Я спрашивал не это.

Старший лекарь шагнул вперёд. На его лице кипела ярость человека, которого не просто осмелились поправить — заставили ошибаться при свидетелях.

— Милорд, я требую немедленно вывести вашу супругу из лазарета. Она опасна. Она нарушает порядок, пугает людей и...

— И не даёт им умирать по вашему расписанию? — бросила она, оборачиваясь.

Он побагровел.

Теперь, когда она смотрела прямо, он казался ещё неприятнее: гладко выбритое лицо, тонкие губы, дорогая отделка мантии, слишком чистые руки для человека, который якобы спасает этих людей. Придворный. Из тех, кто привык быть правым просто по положению.

— Вы не имеете права говорить со мной в таком тоне, миледи.

— А вы не имеете права травить гарнизон отварами, которых сами не понимаете.

— Это клевета!

— Это трупы.

Лазарет затих.

Не полностью — здесь всегда кто-то стонал, кашлял, звал воды, бредил. Но тишина всё равно ощутимо прокатилась по рядам коек. Потому что теперь спор слышали все.

Генерал не вмешивался.

Она поняла это с холодной ясностью: он даст ей дойти до края. Посмотрит, выдержит ли. Сорвётся ли. Умеет ли не только замечать, но и вести бой.

Придворный лекарь выпрямился, стараясь вернуть себе достоинство.

— Я служил при дворе ещё тогда, когда вы, миледи, учились правильно держать ложку. И не позволю безумной женщине учить меня моему делу.

Чужое тело отозвалось на слова не страхом — вспышкой унижительной, давней обиды. Значит, он знал прежнюю хо-

зайку. И презирал её давно.

— Тогда ответьте, — тихо сказала она. — Почему после вашего укрепляющего отвара у больных появляется чёрная пена у рта? Почему они просят не воды вообще, а не пить именно это? Почему запах у настоя совпадает с тем, что было в чашке, после которой я едва не умерла по дороге в эту крепость?

На последних словах в лазарете стало так тихо, что слышно было потрескивание фитиля в ближайшей лампе.

Придворный лекарь моргнул.

Всего один раз.

Но этого хватило.

Она увидела. Генерал тоже.

— Осторожнее, миледи, — сказал лекарь уже другим голосом. Слишком ровным. — Вы играете с очень серьёзными обвинениями.

— Я уже заметила, что здесь все играют, пока солдаты умирают.

— Достаточно, — произнёс генерал.

На этот раз — для обоих.

Он подошёл так близко, что тень от его фигуры легла на её руки, на койку, на чёрную взвесь в миске. От него пахло снегом, дымом и скрытым жаром. Не магией даже — чем-то глубже. Опаснее.

— Что тебе нужно? — спросил он.

Вопрос был коротким. Но в нём слышалось сразу многое:

не «что ты хочешь доказать», не «кто позволил тебе». Что тебе нужно, чтобы остановить это.

Она поняла, что это и есть первый настоящий сдвиг.

Он всё ещё не доверял ей. Но уже слушал.

— Отделить этих больных от раненых, — ответила она мгновенно. — Немедленно. Отобрать все отвары и никому не давать ничего, кроме чистой воды, пока я не пойму, что в них намешано. Мне нужны кипятки, чистое бельё, уголь, уксус, если он есть, и люди, которые будут выполнять приказы, а не спорить. И ещё помещение. Отдельное.

— Какое ещё помещение? — процедил придворный лекарь. — Лазарет и так переполнен.

Она резко повернулась к нему.

— Именно. Вы сложили вместе тех, кого режет меч, и тех, кого убивает неизвестно что. Если это болезнь — вы разносите её по всей крепости. Если это яд — вы поите им всех подряд. В обоих случаях вы либо глупец, либо убийца.

— Милорд! — лекарь едва не задохнулся. — Я не останусь под одной крышей с этой...

— Под какой крышей? — перебила она, ловя вспышку чужой памяти. Коридор, дверь с облезлой краской, запах пустоты и старой золы. — У вас же есть западный госпиталь. Старый. За сушильным двором.

Лицо одного из помощников вытянулось.

Значит, память не подвела.

Придворный лекарь отшатнулся почти незаметно.

— Он закрыт, — бросил он. — Там холод, пыль и крысы. После прошлой зимы его забросили.

— Прекрасно, — сказала она. — Значит, он никому не мешает.

Генерал посмотрел на неё пристально.

— Ты хочешь открыть заброшенный госпиталь?

— Я хочу место, где люди не будутдохнуть на соседней койке только потому, что у вашего лекаря слишком много гордости и слишком мало головы.

Уголок его рта едва заметно дёрнулся.

Не улыбка.

Но что-то опасно близкое к ней.

Придворный лекарь это тоже увидел и, кажется, понял, что земля уходит у него из-под ног.

— Милорд, это безумие. Женщина без подготовки, без магического дара, без статуса...

— Без статуса? — тихо переспросила она. — А ваш статус сильно помог тем двоим, что умерли у меня на глазах?

— Вы ничего не докажете!

— Мне не нужно доказывать мёртвым. Мне нужно спасти живых.

Слова прозвучали слишком громко, слишком резко, но она уже не могла остановиться. Усталость, шок, боль в чужом теле, страх от чужих воспоминаний — всё это переплавилось в злость, которая делала голос твёрже, чем ей самой казалось возможным.

Генерал повернул голову к одному из своих офицеров.

— Сколько людей можно перевести в западный госпиталь за час?

Офицер, молодой и явно не желавший оказаться внутри этого спора, вытянулся.

— Если очистить проход и растопить печи — человек двадцать, милорд. Больше к ночи.

— Очистить, растопить, подготовить, — сказал генерал. — Немедленно.

Придворный лекарь побледнел так, будто приказали не открыть старое здание, а повесить его лично.

— Милорд, вы не можете отдать лазарет в руки...

— Я не отдаю ей лазарет, — холодно перебил генерал. — Я отдаю ей обречённых. Если миледи ошибается — умрут те, кто и так умирает. Если права — я потеряю меньше людей, чем потерял бы, слушая вас дальше.

Это было жестоко.

Она поняла это сразу.

И, хуже того, честно.

По рядам коек прокатился тревожный шепот. Обречённые. Слово ударило по людям сильнее, чем приказ.

Она медленно повернула голову к генералу.

— Я не работаю с обречёнными, — сказала она тихо. — Я работаю с теми, кого ещё можно вытащить.

Он выдержал её взгляд спокойно.

— Тогда докажи, что такие здесь есть.

Её сердце ударило слишком сильно.

Он только что дал ей право. И тут же превратил его в испытание.

Она ненавидела его за это почти с облегчением.

— Нужны двое сильных помощников, — сказала она. —

И кто-то, кто умеет не падать в обморок от крови.

— Это прозвучало оскорбительно близко к правде, — пробормотал молодой стражник у стены. Тот самый, что давал ей кинжал в карете.

Она узнала его голос и впервые за весь день почти улыбнулась.

Почти.

Через четверть часа лазарет уже гудел иначе. Кто-то таскал матрасы, кто-то тянул вёдра с горячей водой, кто-то матерился, растапливая давно не чищенные печи в западном крыле. Придворный лекарь остался в основном зале, но его взгляд жёг спину всякий раз, когда она проходила мимо. Он проиграл первую схватку и ненавидел её теперь открыто.

Она это чувствовала кожей.

Западный госпиталь встретил их мёрзлым камнем, запахом пыли и затхлой, давно не проветриваемой пустоты. Но стены были целы, койки — пусть старые — на месте, очаги можно растопить, окна закрывались. Для неё, привыкшей работать хоть в машине, хоть в коридоре, это было почти роскошью.

— Сюда, — сказала она, указывая, куда ставить первые

носилки. — Тех, у кого озноб, серые пятна, слабость после настоя и чёрная пена — в правый ряд. Раненых с лихорадкой после ран, но без этого запаха — отдельно. Никто не пьёт ничего без меня. Никто. Даже если прикажут.

— Даже если прикажет придворный лекарь? — осторожно спросил молодой стражник.

Она подняла на него глаза.

— Особенно если прикажет он.

Он коротко кивнул.

И подчинился без спора.

К ночи она едва держалась на ногах. Чужое тело ломило так, будто по нему прошли сапогами. Голова гудела, пальцы дрожали уже без всякой попытки это скрыть. Но в западном госпитале горели все печи. На койках лежали разделённые, отсортированные больные. У каждого была вода, чистая ткань, угольная взвесь для тех, кто пил недавно, и хотя бы шанс.

Шанс — это уже было больше, чем здесь им давали утром.

Когда она вышла в коридор, чтобы на мгновение прислониться лбом к холодной стене, генерал уже ждал там.

Как будто умел появляться именно в тот момент, когда сил оставалось меньше всего.

— Трое стабилизировались, — сказала она раньше, чем он задал вопрос. — Двое тяжёлые. Один, возможно, не доживёт до рассвета. Мне нужно посмотреть вашу лекарскую кухню утром.

— Посмотришь, — ответил он.

Она закрыла глаза на секунду.

Слишком легко.

— Вы так быстро решили мне поверить?

— Я решил не мешать тебе быть полезной.

Жёсткий ответ. Почти грубый.

Но в нём не было отказа.

Она открыла глаза и увидела, что он стоит ближе, чем следовало бы. Тень от пламени делала его лицо резче, шрам у виска заметнее. В светлых глазах по-прежнему жило недоверие. Но уже не одно оно.

— Если ты играешь со мной, — тихо сказал он, — то выбрала очень плохого противника.

— А если нет?

Он смотрел долго. Слишком долго для простого разговора в холодном коридоре.

— Тогда тебе лучше не оставаться одной.

Фраза прозвучала двусмысленно ровно настолько, чтобы она почувствовала, как на секунду сбилось дыхание. Не от смущения. От опасности. От того, что в этих словах не было ни ухаживания, ни мягкости — только предупреждение. И всё же под ним тлело что-то ещё. Что-то, от чего становилось жарко даже в промёрзшем крыле.

Он отступил первым.

— Твою комнату уже подготовили.

Это снова звучало как приказ. И как забота, которую он

сам бы скорее признал пыткой.

Комната оказалась небольшой, холодной, с тяжёлой кроватью, сундуком у стены и медным тазом на столике. Кто-то уже разжёл жаровню, кто-то принёс горячую воду. На спинке стула лежало чистое платье — тёмное, простое, без лишней отделки. Не милость. Не роскошь. Просто необходимое.

Она вошла и только теперь позволила себе на миг согнуться от усталости.

Тело дрожало.

Не от холода уже. От всего.

От чужой жизни. От мёртвых. От тех, кого она, возможно, ещё удержит. От генерала, который смотрел так, будто одновременно готов был её использовать, уничтожить и, что хуже всего, прислушаться.

За дверью слышались шаги.

Потом короткий, сдавленный вскрик служанки.

Она резко обернулась.

Дверь распахнулась. На пороге стояла та самая молоденькая служанка с белым, перепуганным лицом. За её плечом — молодой стражник. А чуть дальше, уже входя в комнату, генерал.

— Что? — резко спросила она.

Служанка дрожащей рукой указала на сундук.

Крышка была открыта.

Внутри, на сложенной одежде, лежал маленький тёмный флакон.

Даже на расстоянии она узнала запах раньше, чем успела вдохнуть по-настоящему.

Сладковатый. Густой. Неправильный.

Тот самый.

Чашка.

Не пить.

Сегодня она не переживёт дороги.

Кровь отхлынула у неё от лица.

Генерал взял флакон первым. Осторожно. Как берут улику или ядовитую гадину. Поднёс к свету. Внутри густо плеснулась тёмная жидкость.

— Любопытно, — произнёс он очень тихо.

Потом поднял глаза на неё.

И от этого взгляда стало ясно: худший день в её новой жизни ещё даже не закончился.

— Скажи мне, жена предателя, — проговорил опальный генерал-дракон, зажимая в пальцах флакон с тем самым ядом, — почему в твоей комнате нашли то, чем пытались убить тебя?

Глава 4. Пациент, которого нельзя спасти

Вопрос повис в комнате тяжёлой, почти осязаемой тишиной.

Она смотрела не на генерала — на флакон в его руке. На густую тёмную жидкость, которая медленно перекачивалась за стеклом. На отсвет огня в чёрном стекле. На смертельно знакомый запах, сладковатый и липкий, как сама чужая смерть, что уже однажды подступила к этому телу.

За спиной тихо, с присвистом дышала перепуганная служанка. У двери застыл молодой стражник. Жаровня потрескивала так спокойно, будто в этой комнате не держали в пальцах улику, способную отправить её на плаху.

— Скажи мне, жена предателя, — повторил генерал ещё тише, — почему в твоей комнате нашли то, чем пытались убить тебя?

Чужое тело помнило, как нужно бояться этого голоса.

Её собственная память знала другое: тот, кто хочет убить, редко ошибается случайно. И уж точно не прячет яд там, где его найдут слишком вовремя, если не хочет направить удар туда, куда выгодно.

Она медленно вдохнула, чувствуя, как в лёгкие вместе с воздухом входит приторная горечь.

— Потому что тот, кто это подбросил, хотел, чтобы вы нашли его раньше меня.

Он не пошевелился.

— Очень удобное объяснение.

— Было бы удобнее расплакаться и упасть вам в ноги, — отрезала она. — Но если бы флакон был моим, я бы не хранила его в сундуке, который открывает первая же служанка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.